

ПОД ЮЖНЫМ КРЕСТОМ

Церковный вестник

Воскресенского кафедрального собора в Буэнос Айресе Русской Православной Церкви Заграницей

Издается по благословению Преосвященного Иоанна, Епископа Каракасского и Южно-Американского

№ 58. Буэнос-Айрес, июль 2018. . VII год издания.

ПОСЛАНИЕ

митрополита Восточно-Американского и Нью-Йоркского Илариона, Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви,

по случаю 100-летия мученической кончины святых и благоверных Царственных Страстотерпцев.

Преосвященные собратья-архипастыри, всечестные отцы, дорогие братья и сестры!

XX век явился тяжелым временем для православных на территории Российской Империи, ставшей СССР после великой войны, октябрьского переворота и гражданской войны. Но чем больше Церковь подвергалась гонениям, тем ярче вспыхивали светильники веры и благочестия в земле Русской. От Государя и близких ему по духу членов Царской фамилии, от архипастырей до рядовых иноков, священников, диаконов и мирян собралась невероятно сильная духовная рать Церкви воинствующей. К 1918 году в Церкви Русской явилось два рода подвига – мученический и исповеднический. Слава Богу, сегодня мы видим, как кровь многомиллионного сонма новомучеников и исповедников, обагрив Русскую землю, стала спасительным семенем духовного возрождения нашего народа, в Отечестве и рассеянии сущего.

За годы своего служения Церкви мне приходилось встречать в странах Европы, Северной и Южной Америки, в Австралии и Новой Зеландии различных людей, уподобившихся в своей жизни архимандриту Николаю (Гиббсу), англичанину-бывшему воспитателю Наследника Цесаревича Алексия Николаевича. Видя в Царской Семье глубокое благочестие, высокое благородство и примеры духовности, он постепенно утверждался в Православии. Когда началась мировая война, он стал свидетелем идеальных примеров милосердия и сострадания той же Царской Семьи к воинам и ближним. После революции, свержения и небывалого поругания Государя и всей Царской Семьи он, иностранец, сопровождал их в Тобольск, но до Екатеринбурга не был допущен. В 1934 г. в далеком Харбине Алексей Гиббс принял монашество от рук приснопамятного Камчатского миссионера-архиепископа Нестора (Анисимова) с именем Николай, в честь святителя и чудотворца Николая и в память Царя-мученика. И ныне многие американцы, немцы, французы, автралийцы и граждане других стран приходят к священному порогу

Христовой Церкви, как и некогда архимандрит Николай, после ознакомления с дивным примером веры, терпения, смирения и безропотного несения страданий Царя-мученика Николая и всей его Семьи, сопоставив их с примерами мучеников древней Церкви. Слава Богу, и в нашем народе многие воодушевились тем, как благоверные Царственные страстотерпцы спокойно встретили заключение, ссылку, страдания и смерть. Невольно вспоминаются подвиги и других мучеников, принявших страдания за Христа 100 лет тому назад: святителей Владимира, митрополита Киевского, чья нетленная десница, сложенная на архипастырское благословение, продолжает осенять и своих убийц, и всех нас, молящихся ему; Андроника, архиепископа Пермского, помощника в свое время равноапостольного святителя Николая Японского и ученика собирателя Русской Зарубежной Церкви митрополита Антония (Храповицкого); Василия, архиепископа Черниговского, направленного в Пермь в качестве главы комиссии Всероссийского Поместного Собора для расследования убийства архиепископа Андроника и удостоенного в этом городе мученического венца вместе с другими членами этой комиссии. Почти в это же время от рук большевиков погиб преподобномученик Варлаам, архимандрит и настоятель Белогорского монастыря Пермской епархии, пользовавшегося особым вниманием и благоволением преподобномученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны и праведного Иоанна Кронштадтского. По милости Божией игумен Серафим (Кузнецов), бывший скитоначальник этой обители, как и некоторые другие из монашеской братии, был избавлен от ареста и расстрела. Отец Серафим потом много потрудился при перенесении мощей Алапаевских мучеников: сначала великих князей в Пекин, а потом и преподобномучениц великой княгини Елизаветы Феодоровны и инокини Варвары на Святую Землю, где и он сам нашел место упокоения.

Новомученики и исповедники Церкви Русской являются нашей надеждой на милость Божию. Это наши предки, наши корни, которые питают нас благодатью Божией: без молитвенной связи с ними, без сохранения памяти о них и активного стремления к подражанию в своей жизни их вере и терпению, у нас нет будущего. Поэтому, заинтересуемся своей богатейшей историей, будем с любовью изучать жизнь, страдания и наследие святых новомучеников и исповедников и молитвенно обращаться к ним, дабы, как поется в праздничном кондаке: «егда найдет на ны испытания час, мужества дар Божий восприимем». Аминь.

С любовью о Господе,

+ ИЛАРИОН,

Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский, Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви. 4/17 июля 2018 г.

(Официальная страница Архиерейского Синода Русской Православной Церкви заграницей).

СЛОВО

ПРИСНОПАМЯТНОГО БЛАЖЕННЕЙШЕГО МИТРОПОЛИТА АНАСТАСИЯ, ПЕРВОИЕРАРХА РПЦЗ

в седьмую годовщину мученической кончиины Государя Императора Николая Второго

Исполнилось семь лет со дня кончины наших царственных мучеников, и мы приносим на этом всемирном алтаре безкровную жертву в память их. Молитва любви — наш постоянный

долг пред ними и их великими страданиями, завершившимися жестокой казнью всей Царственной Семьи в нынешнюю кровавую ночь в Екатеринбурге.

Не прекратилась еще великая брань добра и зла, потребовавшая от России столь тяжкой жертвы, и имя почившаго Государя продолжает доныне стоять пред нами как «знамение пререкаемо». В то время как одни при самом воспоминании об этом имени проливают слезы скорби и сострадания, другие приходят в неистовство и с яростью бросают в него отравленныя стрелы. Не потому ли эти последние так негодуют против замученнаго Царя, что, пролив его кровь, они ничем не могут оправдать совершеннаго ими преступления?

Все ухищрения убийц Государя оказались безсильны помрачить нравственный образ его — тот образ, который служит мерилом истиннаго достоинства человека — будет ли последний сидеть на престоле или влачить свое печальное существование среди униженных земли.

Известно, что люди, подобно драгоценным металлам, познаются в горниле огненных испытаний. Почивший Император прошел сквозь оба главных вида искушений, каким подвергается человек на земле: искушение высотою, славою, счастием и искушение унижением, лишениями, телесным и душевным страданием. Трудно сказать, какой из этих двух искусительных путей опаснее для нас. Не легко перенести человеку сознание своего превосходства пред другими людьми и устоять пред опьяняющим действием величия, славы, богатства, которые почти всегда приходят к нему в сопровождении своего всеразвращающаго спутника в виде соблазна гордыни. Не менее требуется от нас нравственных усилий и для того, чтобы сохранить спокойное величие духа в постигающих нас тяжких скорбях и бедствиях; когда сердце человека невольно озлобляется против всего мира или впадает в уныние.

Положение венценосца и притом самодержавнаго таит в себе тем более духовных опасностей, что в его руках сосредоточена полнота власти, могущества и связанных с ними прочих земных благ, прельщающих большинство людей. Для властелина миллионов людей почти не существует слово «невозможно», его веления обладают творческой силой. Не напрасно льстецы готовы приписывать этим славным и сильным земли почти божеския свойства.

Искушения царской власти так велики, что в древней Византии существовал мудрый обычай: среди шума и блеска коронационных торжеств, когда восторженный народ рукоплескал, как некоему полубогу, своему венчанному повелителю, — подносить последнему куски мрамора, чтобы он заранее выбрал из них материал для своей гробницы, или давать ему в руку мешок с золой, дабы напомнить ему, что и он станет некогда землею и пеплом, как и каждый из смертных.

Престол Русскаго Царя в то время, когда его унаследовал Император Николай И, стоял так высоко, что виден был всему миру; однако блеск его не ослепил ни на минуту почившаго Государя. Последний не упивался вином власти и не увлекался своим преходящим величием; напротив, он скорее тяготился последним и не мог преодолеть в себе врожденнаго чувства скромности, часто мешавшаго ему проявлять свою власть в такой степени, как это требовалось иногда по обстоятельствам времени. Напитанный с детства умиротворяющим духом православия Царь-мученик всегда был кроток и смирен сердцем, трости надломленной он не сокрушал, льна курящаго не угашал. Мир и любовь составляли главную стихию его духа: призывом к миру всего мира начал он свое безмятежное, казалось, и благословенное царствование и когда он впервые увидел себя вынужденным обнажить мечь для защиты России сначала от внешних, а потом от внутренних врагов, его сердце невольно сжалось от боли.

Неискушенный еще опытом Государь постоянно скорбел от того, что великодушныя намерения его разбивались о неодолимыя противоречия жизни. Власть открывалась пред ним не столько как радостная возможность поощрять добро, сколько как суровая необходимость бороться со злом (Рим. 13, 1 - 4) и он, страдая внутри, с терпеливою покорностью нес бремя ея, как долг наложенный на него свыше. Минуты отдыха Государь проводил в кругу любящей семьи, жившей скромным древне-русским укладом среди окружавшаго ее внешняго блеска.

Высокое жертвенное настроение, загоревшееся в сердце русскаго народа в начале мировой войны, снова окрылило Государя. Воспламененный тем же священным огнем, он слился духом со своими подданными и, сделавшись выразителем общенародных чувств, стал истинным Вождем Отечества. Это были, несомненно, одни из самых счастливых дней его царствования, когда пред ним отверзлись заветы родной истории и он ощутил в сердце таинственный голос, зовущий его к осуществлению высокого призвания русскаго народа. С терпением превозмогая все невзгоды войны, он бодро шел навстречу этому грядущему светлому дню торжествующей правды и мира. Но увы! исполнение времен приблизилось к нам лишь для того, чтобы показать, как мало мы были подготовлены к приятию ожидавшаго нас жребия. Народ не претерпел до конца великаго испытания и потому не венчался венцом победы. Увлеченный духом обольщения и соблазна, он сошел с теснаго пути подвига, на который был поставлен рукою Промысла, и устремился на широкие пути своеволия и беззакония. В каком то опъянении безумия он безпощадно стал разрушать все разумныя основы общежития и тогда взят был из его среды Удерживающий, т. е. Царь, как источник власти и главный оплот порядка в государстве.

Подобно Иову, в день котораго Государю по воле Божией суждено было увидеть свет, посдедний в одно мгновение лишился и славы, и богатства, и царства, и друзей. Лишь немногие из близких к нему лиц захотели пить с ним чашу страданий и остались верны ему до конца; другие хотя и сочувствовали бедственному состоянию его, но не решались заявить об этом открыто, чтобы не быть отлученными от сонмища; большинство же его прежних, часто — облагодетельствованных им, друзей совсем отреклись от него страха ради иудейскаго и вместо утешения посылали своему недавнему покровителю упреки в том, что он сам заслужил свою участь.

Господь оставил страстотерпцу-Государю только одно утешение сравнительно с Иовом — это любящую и самоотверженно преданную ему семью, но, увы! она должна была делить с ним одне унижения и скорби и потому иногда служила для него невольным источником новых страданий.

Тягчайшим из всех бедствий, какия внезапно упали на главу Повелителя всей России, было несомненно лишение личной свободы — этого драгоценнейшаго блага, которым обладали миллионы его подданных и котораго Бог не захотел отнять у самаго великаго ветхозаветнаго страдальца — патриарха Иова. Заключенный под стражу, Государь должен был испытывать всю горечь неволи и всю жестокость человеческой неблагодарности. Люди, еще недавно трепетавшие от одного взгляда его и ловившие улыбку его, как живительный луч солнца, теперь подвергали его самым грубым оскорблениям, глумились не только над ним самим и Императрицей, но и над их юными, благоухающими нежной чистотой детьми, душа которых особенно должна была страдать от перваго соприкосновения со злом и неправдой жизни. Каждый день, каждый час эти жестокие истязатели изобретали новыя нравственныя пытки для беззащитной царской семьи, и, однако, ни одного слова ропота на свой жребий не вышло из уст царственных страдальцев. Они подражали Тому, о Ком сказано: будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал (1 Петр. 11, 23). Только Богу они возвещали печаль свою и пред Ним одним изливали свое сердце. Чувство оставленности, угнетавшее душу их, не охладило любви их к России; забывая собственныя испытания, царственные узники продолжали до конца жить и страдать нераздельно с своим народом.

Уже самый акт отречения от престола является со стороны Государя выражением высокаго самопожертвования ради горячо любимаго им Отечества. В то время, как иностранные венценосцы, прошедшие (в Англии и Франции) по воле Промысла тем же крестным путем, не захотели разстаться со своим троном без кровопролитной борьбы, наш почивший Император был далек от мысли защищать свою власть только ради желания властвовать. «Уверены ли Вы, что это послужит ко благу России?» спросил он тех, кто якобы от имени народа предъявил ему требование об отречении от своих наследственных прав, и, получив утвердительный ответ,

тотчас же сложил с себя бремя царскаго правления, боясь, что на него может пасть хоть одна капля русской крови в случае возникновения междоусобной войны. Этим мудрым отныне историческим вопросом Государь навсегда снял с себя ответственность за предпринимаемое им решение и она пала на главу тех, кто первый поднял на него святотатственную руку.

По мере приближения к своему исходу вся семья доблестных страдальцев с истинным царственным величием все выше и выше поднимается над землей и достигает, как об этом свидетельствуют последния письма их, исповеднической крепости веры и мученическаго незлобия и всепрощения к врагам своим. Смерть застала всех их вполне созревшими для вечности; однако, самая обстановка неожиданной казни их должна была причинить им новыя тяжкия хотя уже последния страдания. Для юных царских детей, увядавших в самом расцвете жизии, образ насильственной смерти ужасен был особенно потому, что они впервые встречались с ним лицом к лицу, и один вид безсердечных палачей должен был привести в содрогание нежную душу их. Сердце же родителей их раздиралось на части от одной мысли, что ради них влекутся на заклание ни в чем неповинныя дети, и они эти несчастные царственные родители, подобно мученице Софии, прошли сквозь горнило смерти несколько раз, умирая одновременно с каждым из своих чад. История в свое время разскажет сокровенныя еще для нас подробности этой страшной ночи, и слезы тихаго умиления неоднократно прольются над подвигом новых великих страстотерпцев, которых Господь разжег, яко сребро, искусил седмерицею, чтобы обрести их достойными Себе (Прем. Сол. 3, 5 - 7) и увенчать более славными диадемами, чем венцы царские.

Весь мир содрогнулся от ужаса при виде екатеринбургскаго злодеяния. Только сами виновники его дышали еще чувством неутолимой злобы и продолжали даже после казни преследовать свои жертвы, сплетая вокруг имени их терния язвительной клеветы. К счастью, время — этот нелицеприятный судия человеческих дел — каждый день разоблачает последнюю, являя образ почившаго Государя и Государыни в его истинном свете. Теперь уже никто не дерзает сказать, что они даже в мыслях способны были изменить Рсссии или что святыня семейнаго очага их была омрачена хотя бы малейшею мимопроходящей тенью. Никто не решится ныне вменять в вину одному Императору Николаю II и все те бедствия и ужасы, в какие ввержена ныне наша многострадальная Родина, ибо в этом повинны весь русский народ и каждый из нас в отдельности.

Этот поистине страдалец-Государь не может быть ответственным за то, что ему указан был жребий управлять столь обширным государством на переломе вековой истории его, когда никаких естественных человеческих сил не было достаточно для противодействия надвигающейся злой разрушительной стихии, накопленной грехами целаго ряда поколений и неудержимой, как лава извергающагося вулкана.

Свыше была определена и та мера духовных дарований, какою он обладал при прохождении высокаго пред Богом и людьми служения своего. Никто из людей не обязан родиться гениальным, но каждый должен трудиться и умножать в меру сил своих полученные им от Бога таланты. Кто может упрекнуть в Бозе почившаго Царя в том, что он не исполнил этой евангельской заповеди? Кто не знает, что он был неутомимым работником на троне, всегда ревновавшим о преуспеянии державы своей, охранявшим достоинство и безопасность ея в течении 23-х лет своего царствования, пока он не положил, наконец, за нее свою душу.

Если же Государь, стремясь всегда к высоким целям, не находил иногда соответствующих средств для осуществления их, если он думал нередко о своих приближенных лучше, чем они заслуживали, и испытывал по временам чувство смущения и нерешительности пред лицом надвигающейся опасности, то это доказывает только то, что он был человек и потому ничто человеческое не было чуждо ему.

Кто имеет право судить его за те или другия человеческия немощи, за вольные и невольные грехи его, кроме Того, Кто вручил ему царство и послал ему столь великия очистительныя испытания, что они способны перевесить песок морей? (Иов. 6, 3).

Великомученический подвиг Русскаго Царя Николая II почти не имеет равнаго себе в истории последних веков, и только здесь, на этой трепетной и таинственной Голгофе мы уразумеваем сокровенный смысл креста, возложеннаго на него и вместе с ним на всю семью его свыше. Голгофа это — всемирный жертвенник и вместе всемирное судилище.

С тех пор как здесь соединились вместе божественная любовь и правда, чтобы раздрать рукописание грехов человечества, с вершины Голгофы открываются для нас судьбы Божественнаго Провидения, взвешивающаго жребий отдельных людей и целых народов. Отсюда всякая мученическая кровь вопиет на небо и низводит гнев Божий на одних и благодать на других. Отсюда износится суд и помилование языкам.

Исполненные скорбнаго недоумения, некогда стояли здесь Пречистая Матерь Божия с женами мироносицами и св. Иоанном Богословом, взирая на распятаго ка кресте Царя славы. С пронзенным печалью сердцем взираем и мы с высоты этого священнаго места на распятую, поруганную и окровавленную Россию и как бы от лица всего русскаго народа вопрошаем Того, в руце Котораго власть всея земли: Господи! если для очищения всего народа нужна была жертва перваго из сынов его и самого Вождя Русской земли, то она уже принесена ныне. Если для заглаждения наших общих грехов должна была пролиться невинная кровь, то она еще дымится пред Тобою из ран закланных, юных и чистых, как непорочные агнцы, царских детей и иных подобных им страстотерпцев, их же имена Ты веси. Приносим Тебе в искупление и воздыхания и вопли всех русских людей, томящихся ныне в смертных муках, и эти умиленныя русския слезы, которыя в течение веков лились на Голгофе.

Уповаем на милосердие Твое и взываем к вечной правде Твоей, сочетавшейся в неизреченной тайне креста, подъятаго Божественным Сыном Твоим. Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты царствуеши во веки! Аминь.

+ Митрополит Анастасий

(Произнесено 4/17 июля 1925 г., после заупокойной литургии на Голгофе в храме Воскресения Христова во Святом Граде Иерусалиме).

(Официальная страница Архиерейского Синода Русской Православной Церкви заграницей).

100-летие мученической кончины святых и благоверных Царственных Страстотерпцев Государя Императора Николая II и Царской Семьи

По благословению Епископа Иоанна, в Воскресенье 22 го июля, в 10 часов, в Воскресенском Кафедральном Соборе РПЦЗ в Буэнос-Айресе состоится

Божественная Литургия и Молебен Святым Царственным Страстотерпцам

После Молебна, в приходском зале встреча и чай

«Под Южным Крестом» № 58. Июль 2018. VII год издания.

Церковный вестник Воскресенского кафедрального собора в Буэнос-Айресе, РПЦЗ. Издается по благословению Преосвященного Иоанна, Епископа Каракасского и Южно-Американского. Calle Núñez 3541, 1430 Buenos Aires, Argentina. **Email**:episkop.ioann@gmail.com